

Заметки о постанархизме

Сурейя Эврен

18.09.2020

В текстах некоторых ключевых авторов о постанархизме (таких как Тодд Мэй, Сол Ньюман, Льюис Колл или, более недавно, Ричард Дэй)¹ присутствует постанархистская редукция классического анархизма. До сих пор эта особенность тенденции постанархизма подвергалась критике со стороны различных анархистов. Но на самом деле, «анархисты» должны признать, что «постанархисты» не изобрели это! «Постанархисты» использовали общепринятые анархистские исторические труды о классическом анархизме, которые можно найти где угодно в любом справочнике. Проблема в том, что из-за ссылки на постструктурализм можно было ожидать, что они не будут полагаться на канонизированную историю анархизма, не подвергая её сомнению, вообще не ставя её под вопрос.

Когда постанархисты принимают заключения модернистских, европоцентристских исторических трудов об анархизме как данность и начинают работать на их основании, можно увидеть, как они (постанархисты) воспроизводят многие проблемы, уже существующие в этой практике исторических трудов. (Джейсон Адамс критически подверг это сомнению, когда говорил о «сконструированной истории анархизма»²). Как человек, также работающий над постанархизмом, то, что сделал Адамс в этой ранней статье, было неплохим началом — обращать своё критическое исследование нужно и на данную историю анархизма. Прежде чем сравнивать классический анархизм с постструктуральной философией или прежде чем создавать генеалогию родства в сфере «классического анархизма» (это то, что делает Дэй в «Грамши мёртв»³), необходимо сначала попытаться составить генеалогию анархистского «канона». Следует задать следующие вопросы: как развивались анархистские исторические труды? Когда и как были выбраны основные писатели-анархисты? Кто были отцами «отцов анархии»? Были ли разные тенденции в описании основной части «классического анархизма», и какая тенденция доминировала в итоговой

¹ Этот текст представляет собой более короткую и частично иначе структурированную версию текста “Nietzsche, Post-Anarchism and the Senses”, first published at Siyahi magazine, no 7, Spring 2006, Istanbul

² “Postanarchism in a Nutshell”, Jason Adams, info.interactivist.net, accessed on 15 / 11 / 2007

³ См. Глава 4 («Utopian Socialism Then...») в Richard J. F. Day, Gramsci is Dead, Anarchist Currents in the Newest Social Movements, Pluto Press, London 2005

истории и как? Как были представлены классические анархисты? Можем ли мы проследить какую-либо иерархию в этих историях; были ли они модернистами в своем подходе; можем ли мы отследить какую-либо дискриминацию?

Предрассудки по поводу модернистского анархизма настолько сильны, что, когда эти писатели видят, например, антимодернистский аспект Бакунина, они либо воспринимают его как исключение, либо что-то сказанное случайно, либо, что еще хуже, как противоречие! Например, для Колла: «Бакунин дает нам, возможно, совершенно случайно, отправную точку для постмодернистского анархизма». Здесь Бакунин говорит, что наука была омрачена опасным и тревожным этатизмом. Поэтому, когда Бакунин выступает против науки, он говорит «неумышленно», но когда он выступает за науку, он должен искренне верить именно в это. Почему это так? Почему тогда «эффект Бакунина», «наследие Бакунина» не является эффектом «поклонника науки», но творческого человека дела и анархической теории? Как мы узнаем, сказал он это случайно или нет? Точно так же, когда Ньюман узнаёт, что Кропоткин и Бакунин казались антиэссенциалистами в некоторых из своих утверждений, он интерпретирует эти утверждения как «противоречия»! В то время как единственное противоречие — между модернистским образом анархизма и реальным «эффектом анархизма».

Существует предположение, что и марксизм, и анархизм являются модернистскими политическими движениями, страдающими одинаковыми модернистскими слабостями, в то время как анархизм имеет некоторый потенциал, чтобы выбраться из этой ловушки. Таким образом, чтобы реализовать это, нам придется устраниć модернистские проблемы из классического анархизма (которые действительно составляют большую часть его политической философии) и использовать оставшиеся аспекты, которые находятся в гармонии с сегодняшней постмодернистской/постструктуралистской перспективой.

Что ж, это было неправдой, поэтому давайте вернёмся и начнем обсуждение с этого момента. Анархизм не был модернистским политическим движением, как марксизм, с самого начала он был антимодернистским движением периода модерна и важным примером радикальных движений модерна. («Классический анархизм» был не движением ле корбюзистов, а движением дадаистов.) Модернистские аспекты в анархизме, напротив, составляют меньшинство, а «классический анархизм» в основном является антимодернистским течением, в нём мало от чего можно избавиться и много чего можно взять, если вы говорите о сегодняшнем постанархизме.

Как и в случае с историей анархизма, то, что я понимаю из постанархизма, имеет много сторон, и одна критическая сторона касается анархистских трудов по истории, новое постанархическое мышление должно принести новую антологию, новую историю анархизма. По крайней мере, новую чувствительность к существующим анархистским историям.

Многие обвиняют Ньюмана или Дэя в «злоупотреблении» анархистской традицией, поскольку довольно легко признать, что их отношения с анархической историей недостаточны на многих уровнях — но, с другой стороны, то, что они пытаются сделать, особенно Ньюман, — внести анархизм в сегодняшнюю политическую и теоретическую повестку дня как нечто более мощное. Это не следует недооценивать.

И я думаю, они пробуют для этого правильную дверь — может быть, они ещё не нашли правильные ключи (может быть, сегодня пора сделать ключи коллективно).

Когда политики видят, как анархист воспринимает все как политическое, борется против каждой крошечной возможности господства, они рассматривают это как отсутствие чего-то. Либо отсутствие страсти к экономике, либо отсутствие страсти к политике. Чего они не понимают, так это того, что у анархистов всё политическое и заслуживает одинаковой страсти. Как сказал в интервью поэт Ильхан Берк, «всё политическое, даже вода течет политически». Даже вода течет политически — таким образом, анархическая политика — это политика жизни, культуры, анархизм — это ворон, стучащийся в окно, чтобы пригласить вас. Либертарианская вечеринка началась! Анархисты де-факто пананархисты. Анархистская политика заключается в множественности неполитического. Основа не зафиксирована.

Может ли быть правдой, что некоторые анархические принципы стали общепринятыми принципами в некоторых западных культурных средах? Обсуждая пост-Сиэтлские антиглобалистские движения, я всегда пытался спросить: откуда взялись эти протестующие, которые хотят организовываться анархически? Это продукты анархической пропаганды? Скорее всего, нет. Я предполагаю, что западные общества (а также многие мировые города в разных частях мира) сегодня способны производить «анархических субъектов», субъектов, которые будут интересоваться политикой, только если она будет осуществляться в соответствии с «анархическими принципами» или «логикой близости». Это потому, что, когда эти люди хотели политизироваться, для них не было другого выхода, кроме анархического — они не согласились бы быть частью марксистской партийной машины, не приняли бы приказы, не согласились бы быть представленными какими-то революционерами, и всё же они хотят заниматься чем-то политическим — что же остается такому человеку? Только анархизм или немаркированный способ организации, основанный на анархических принципах и использующий логику близости. Другой вариант — связаться с марксистской фракцией, которая открыто заявила, что будет следовать анархическим принципам (Холлоуэй, Негри и т. д.), которые не разочаруют «анархистских субъектов» на Западе. Здесь может быть что-то очень важное для постанархизма. Вопрос о том, «как появились постанархические субъекты», также восходит к маю 68 года.

Если мы вернемся к периоду САНО до 1994 года, мы можем вспомнить, что Маркос поехал в Чьяпас не для постреволюции, он поехал туда, чтобы организовать революцию модернистского типа. До 1994 года САНО существовала в Чьяпасе благодаря взаимному сотрудничеству. Не закончилась утопическим раем, но имела райский эффект для левого мира. Если мы можем на мгновение отложить в сторону политкорректность, мы можем осмелиться сказать, что, хотя у мексиканского правительства также было военизированное подразделение, которое убило и ранило многих, было очень мало стран, которые позволили бы Маркосу поступать так, как он хочет, с его САНО в 1994 г. и позже. Например, это было бы невозможно в США, Перу, России, Китае, Турции или Великобритании. Этого бы не произошло при «настоящей демократии» (которая не может выдержать сильного противодействия, как нам недавно продемонстрировали западные правительства, когда показали свою жестокую сторону протестующим против глобализации в начале 2000-х годов в Гёте-

борге и Италии) или в «тоталитарной стране». Мексика была исключительной зоной. И с самого начала, чтобы не дать этому исключительному государству изолироваться и в конечном итоге исчезнуть, САНО/Маркос описал его не как форму и не как идеологию, а как понимание, как подход к политике. Разве это не основной принцип «нового анархизма» и сегодня?

Если мы все равно вынуждены сравнивать, вместо того, чтобы сравнивать только Делёза с Кропоткиным, почему бы нам не сравнить Эмму Гольдман с Элен Сиксус и Иригарей, Вольтарины де Клер с Батлер и Флореса Магон с Хоми Бхабха. Почему русские анархисты в анархистском каноне всегда остаются русскими анархистами за пределами России? Почему никто не принимает всерьёз анархистов в русской революции — худшим решением русского анархиста было не уезжать из России тогда, а лучшим и единственным способом прослыть русским анархистом — покинуть Россию?! Вернёмся к «Анархистам в русской революции» Эврича и вдохновляющему «Манифесту пананархизма».

Колл и Ньюман предполагают, что анархизм начинается со своей антигосударственной позиции. Поэтому для них анархизм — это, прежде всего, политическая позиция против всех государств, антиэтатизм и всё прочее происходит после или из этого. Очевидно, это не то, что многие анархисты поймут под анархизмом. Мы думаем, что анархизм — это пананархизм⁴ по своей природе, отказ от всякой власти, иерархии и представительства. Антигосударственность — это форма антииерархии, антиавторитаризма в национальном масштабе. С другой стороны, анархизм выносит политику за пределы борьбы за государственную власть. В этом смысле он тоже всегда на низовом уровне. Вы сначала не отвергаете государство. Сначала вы отвергаете власть, иерархию, пирамидальные общества, представительство и господство. Затем, как такой человек, когда проблема касается государств, вы, конечно, также отвергаете государство и думаете о чем-то другом, например о федерациях и т. д.

И причина того, что всё это начинается с постанархизма, заключается в роли постструктуралитских теорий философии и истории в этой пересекающейся паутине движений сопротивления. Постанархизм не представляет нам нового анархизма. Но он может создать силу сопротивления модернистской категоризации анархистской истории и концепций. И более того, он может быть принятием постструктуралитского философского вклада в анархистское движение. Постанархизм для меня — всего лишь анархизм, но более сильный, объединяющий силы со своими родственниками, сетевыми соседями сегодня и в истории, в культуре и в повседневной жизни. Итак, это эксперимент по пониманию анархизма (в его более сильной постанархической форме) как всемирного антимодернистского современного политического движения, которое имеет существующие или потенциальные связи с другими анти-модернистскими современными движениями в различных дисциплинах сегодня и в истории.

В определенный момент существует более одного центра власти, и если вы хотите им противостоять, вы должны соответствующим образом сформировать своё сопротивление — что означает, что против многих мест власти вам понадобится

---

⁴ Манифест пананархизма см. в *Anarchism in the Russian Revolution*, Thames and Hudson, 1973 Пола Эврича

много мест сопротивления. В обоих подходах (понимая одно центральное место власти или признавая наличие множества центров) мы ожидаем, что сопротивление будет отражать структуру предполагаемой власти. Это обязательно? Обычно да, или обычно ответ положительный. Но не следует забывать, что не всегда.

Здесь я должен признать, что это было для меня обязательным долгое время, и это была одна из причин, которые привели меня к постанархизму. Например, в моем первом письменном отчёте о «постмодернизме и анархизме» в 1994 году я в основном сказал, что если либертарианские левые появятся в Турции, они смогут сделать это только в обширных полях постмодернизма. Потому что после постмодернизма презентация в целом рухнула. У всех нас нет возможности спастись, но мы можем выбрать, какой постмодернизм применить, и это может быть анархопостмодернизм. Я выступал с докладами о «постмодернизме и левых», и главный аргумент, в котором я был так уверен, был тот же «разве вы не видите, что места власти постмодернистские, поэтому, чтобы нейтрализовать их, мы должны отразить их под другим углом, углом анархопостмодернизма». Сегодня я не нашёл бы это настолько убедительным, как я попытаюсь показать здесь, нет необходимости в отражении реальных структур власти для их преодоления. Понимание структуры мест власти не обязательно определяет структуру сопротивления.

Например, вы можете согласиться с тем, что власть редуцируема, работает с одним решающим центром в один момент времени, понимать её как пирамидальную структуру, но вы все равно можете бороться с этой структурой с помощью анархических принципов, используя «тактическую политическую философию» или логику близости. Например, партизанская борьба во многих случаях использует это, даже структура ячейки Нечаева использует сетевое структурированное движение, и оно не отражает структуру, с которой она боролась. К этой категории относятся даже некоторые элементы глобального движения за справедливость — например, демонстрация против саммита. Проведение демонстрации против встречи «большой восьмёрки» означает, что вы понимаете лидерство «большой восьмёрки» как сердцевину мировых властных отношений того времени. Поэтому вы находитите его ключевым и решающим для всех мировых отношений власти и существующих структур господства. Но вы организовываетесь анархически, используете тактику микрополитики и нападаете на рутинное собрание мировой моцки. Вы чем-то похожи на анархических наёмных убийц — где вы убиваете короля, но не как солдат армии — как оппозиционная революционная структура, но как личность, очевидно, не отражая господствующую структуру.

Эти движения так близки к своего рода постанархистскому, делёзианскому способу ризоматической организации и т. д., и выступают против любого небольшого господства, которое может быть обнаружено — будь то внутреннее или внешнее движение — тем не менее, когда дело доходит до определения позиции против мировой политики, в программе этих людей нет парящей Империи без центра; вместо этого есть чёткий набор стран, организаций и элит, лидеров, очевидных стержней мировой власти. Это показывает, что, когда дело доходит до политического действия, активисты не настаивают на том, что никакое соотношение сил не редуцируемо — даже активисты, которые исследуют различные тактические, анархические принципы организации и политики.

В наши дни так часто можно увидеть, как кто-то осуждает враждебность или гнев. Что бы вы ни делали, вы должны делать это в нормальном цивилизованном настроении. Не теряй самообладания, не ненавидь зло. Не бейте сатану. Спокойно голосуйте против сатаны. Или, лучше, презирайте голосование и крайне рационально проводите демонстрации против сатаны. Хорошо знайте свои доводы, аргументируйте убедительно, хорошо оценивайте свои методы и не делайте ничего, чего раньше не планировали. Не выводите на сцену бред. Не закатывайте сцену, если её не решили создать коллективно.

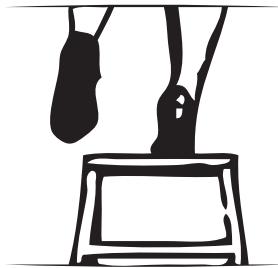
Но тогда как мы будем относиться к истории всемирного сопротивления, революций, бунтов, восстаний? Во всех этих случаях центральным элементом всегда был сильный элемент гнева. Страстные темы, навязчивые моменты, жертвы, сожаления, горе, всевозможные эмоции — не только утверждительные.

Чтобы цепляться за позитивную точку зрения, не нужно превращаться в утверждающих роботов. Политика полна гневных людей. Идея преобразования мира полна всевозможных эмоций. Гневные женщины, гневные мужчины, гневные квиры, гневные дети, гневные старики — все приветствуются в сопротивлении. Сопротивление, восстание, новый мир, лучший мир, преобразование мира — это на самом деле не проекты социальных инженеров, спокойных планировщиков, это идеи, исходящие из жизненных моментов, где преобладала боль.

Может, нам нужно утверждение гнева. Утверждение гнева, восстания, сопротивления, отрицания. «Достаточно» — это подтверждение сопротивления. В любом виде. Гнев — это не отчаяние. Это не депрессия. Это не зависть или ревность. Утверждение стало сегодня антиполитическим инструментом. Неолиберальный дискурс предпочитает утверждительный язык языку отрицания. Объявления утверждительны. Они могут основываться на ревности, но не на гневе.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Сурейя Эврен

Заметки о постанархизме

18.09.2020

Скопировано 05.01.2025 с

<https://vk.com/@-194022101-sureyyya-evren-notes-on-postanarchism>

ru.anarchistlibraries.net